

Василий ЦВЕТКОВ

Адмирал КОЛЧАК

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
ВЕРХОВНОГО ПРАВИТЕЛЯ
РОССИИ

ИСТОРИЯ БЕЗ ГРИФА
«**СЕКРЕТНО**»

История без грифа «Секретно»

Василий Цветков

**Адмирал Колчак. «Преступление
и наказание» Верховного
правителя России**

«Яуза»

2018

УДК 929 Колчак А.В.
ББК 63.3(2)6-8 Колчак А.В.

Цветков В. Ж.

Адмирал Колчак. «Преступление и наказание» Верховного
правителя России / В. Ж. Цветков — «Яуза», 2018 — (История
без грифа «Секретно»)

ISBN 978-5-04-090013-8

Споры об адмирале Колчаке не утихают вот уже почти столетие – одни утверждают, что он был выдающимся флотоводцем, ученым-океанографом и полярным исследователем, другие столь же упорно называют его предателем, завербованным британской разведкой и проводившим «белый террор» против мирного гражданского населения. В этой книге известный историк Белого движения, доктор исторических наук, профессор МГПУ, развенчивает как устоявшиеся мифы, домыслы, так и откровенные фальсификации о Верховном правителе Российского государства, отвечая на самые сложные и спорные вопросы. Как произошел переворот 18 ноября 1918 года в Омске, после которого военный и морской министр Колчак стал не только Верховным главнокомандующим Русской армией, но и Верховным правителем? Обладало ли его правительство легальным статусом государственной власти? Какова была репрессивная политика колчаковских властей и как подавлялись восстания против Колчака? Как определялось «военное положение» в условиях Гражданской войны? Как следует классифицировать «преступления против мира и человечности» и «военные преступления» при оценке действий Белого движения? Наконец, имел ли право Иркутский ревком без суда расстрелять Колчака и есть ли основания для посмертной реабилитации Адмирала?

УДК 929 Колчак А.В.
ББК 63.3(2)6-8 Колчак А.В.

ISBN 978-5-04-090013-8

© Цветков В. Ж., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Предисловие	7
О современных судебных исках и судебных прецедентах	9
Мог ли Иркутский ревком расстрелять Колчака и Пепеляева и почему это нужно было сделать?	12
Как определялись «преступления» Белого движения?	18
Как определялись «преступления» большевиков?	25
Как произошел «переворот 18 ноября 1918 г.», а Колчак стал «Верховным правителем»?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Василий Цветков
Адмирал Колчак. «Преступление и
наказание» Верховного правителя России

*Русским людям – красным и белым, правым и неправым
посвящается...*

© Цветков В.Ж., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Якорь», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Предисловие

2017–2018 годы – юбилейные для российской истории даты. 100-летие революционных событий XX века. Столетие убийства царской семьи. Столетие рождения Красной армии. Столетие «похабного» Брестского мира. Столетие прихода к власти Верховного правителя адмирала Колчака...

В СССР революционные юбилеи отмечались созданием величественных памятников, мемориальных сооружений. Например, в 1954 году было принято решение о создании пантеона в классическом стиле на Воробьевых горах. Именно в него, по инициативе Совета Министров СССР, Исполкома Московского городского совета депутатов трудящихся (а отнюдь не «либералов 1990-х»), предполагалось перенести не только Ленина и Сталина из Мавзолея, но и весь некрополь у Кремлевской стены. К 50-летию Великого Октября должен был быть создан монументальный комплекс на Манежной площади в Москве. В 1985-м был принят проект перестройки Музея революции в Москве. Его новые здания должны были занять целый квартал на тогдашней улице Горького. А к последнему советскому юбилею на Октябрьской площади был сооружен памятник Ленину, многофигурная композиция которого стала своеобразным оформлением начала Ленинского проспекта.

Массовыми тиражами выходили в свет монографии, сборники документов. Престижным считалось защитить диссертацию по революционной тематике в юбилейный год. Не говоря уже о многотысячных «торжественных мероприятиях, проходивших на заводах, в колхозах, в воинских частях, вузах, школах и даже в детских садах.

А в 1977 году на экраны вышел художественный фильм «Долг». Замечательный сценарий и превосходная игра актеров сделали его одним из лучших в отечественном кинематографе, из посвященных братоубийственной войне. Кто сейчас помнит этот фильм?

Но вот в 100-летний юбилей приходится наблюдать странные вещи: вопреки посланиям иерархов Русской Православной Церкви, вопреки пожеланиям государственных лидеров, вопреки неоднократным заявлениям политиков и общественных деятелей о необходимости «согласия и примирения», о важности «сохранения исторической памяти», о насущной потребности в «популяризации истории» – вопреки всему этому на просторах Интернета, а потом и на различных митингах, собраниях начинается активный «поиск врагов» в нашем историческом прошлом, позорная «охота на ведьм». Вместо увековечивания памяти предков начинается непонятная «борьба с памятниками». Любой памятник, связанный с событиями 100-летней давности, подвергается непонятному «контролю» со стороны всякого рода т. н. «общественных», «инициативных» групп. Раздаются безграмотные, псевдонаучные, а подчас и откровенно экстремистские заявления о том, «достойн» или «не достоин» тот или иной исторический деятель увековечивания. Подаются судебные иски с требованиями «снести», «немедленно переименоваться», «уничтожить», «истребить»... Популярными становятся т. н. «исторические» дискуссии в СМИ, участники которых, лишённые элементарного такта и уважения к оппонентам, пытаются навязать аудитории свои категоричные суждения. Соревнуются друг с другом по степени обливания грязью нашей отечественной истории. Доходит уже до того, что любого оппонента готовы без обвиняков назвать «предателем», «красно-коричневым», «представителем пятой колонны», «власовцем», «агентом влияния» и т. п.

Но разве подобные действия, высказывания и рассуждения способствуют национальному и социальному единству, столь нужному и важному для нашей Родины? Разве это приближает хоть немного к познанию минувшего? Тем более такого важного и противоречивого периода, как история революции и Гражданской войны. Это, к сожалению, лишь усиливает социальную рознь, разобщает людей.

Чем подобные высказывания лучше тех, что звучат в последние годы на Украине, когда многие политики заявляют о том, что в их стране не должно остаться «ни одного» памятника революционным событиям? Чем лучше подобные высказывания суждений радикалов в США, когда в стране, традиционно гордившейся своей «толерантностью», «уважением Гражданских прав и свобод», требуют ликвидировать памятники конфедератам – участникам гражданской войны, когда солдат и офицеров армии «южан» сравнивают с фашистами и поголовно записывают в рабовладельцы? Чем лучше подобные высказывания призывов к уничтожению памяти о т. н. «совке» в странах Европы, когда ради «прощания с тоталитарным прошлым» призывают ликвидировать памятники на могилах советских воинов, героев Великой Отечественной войны, освободителей европейских стран от нацизма?

Создание или снос памятника само по себе не просто строительное или архитектурное действие. И совершенно не обязательно увековечивание памяти должно носить однозначно позитивный характер, а сам памятник должен быть помпезным и «великим». Важна память о прошлом сама по себе. А однозначно положительные или однозначно отрицательные характеристики тех или иных исторических событий отобразить не всегда возможно. 100 лет назад наша единая держава и все российское общество оказались расколотыми, разделенными непримиримыми, как тогда считалось, противоречиями. Спустя 100 лет вряд ли нужно снова призывать к однозначному повтору прежних «красных» и «белых» лозунгов. Нужно понять, осмыслить прошлое. Не следует судить сегодняшними мерками, искать прямых аналогий с современностью, не стоит возносить себя, мол, мы умнее и лучше собственных предков. Понять и осмыслить не только их светлые черты, но и страшные, кровавые страницы прошлого. Без покаяния невозможно примирение. А без примирения невозможно созидание, осознанное и ускоренное движение вперед по всем жизненно важным направлениям.

И еще. Важно, чтобы увековечивание памяти не превращалось в простой акт для «галочки», для «отчета о проведенном мероприятии». К сожалению, так порой бывает. Нужно не просто знать, необходимо понимать, помнить свое прошлое. Это нужно и для сознательного усвоения истории нашей молодежью, школьниками. Чтобы не стать им «Иванами, не помнящими родства», а достойно вписать и свои страницы в биографию нашего Отечества.

Вот для этого и написана эта небольшая книга. Это книга не о красном терроре, не о «продавшихся Антанте белогвардейцах» и уж тем более не «обличительный акт убийцам Колчака», или, наоборот, не «оправдательный акт великому патриоту Колчаку». Это напоминание о том, что Гражданская война – это и «война законов», и страшные жернова террора, калечившие и уничтожавшие людей. Это напоминание и о том, что судить о преступлениях кого бы то ни было можно, только имея максимально возможное количество как обвинительных, так и объясняющих и оправдывающих фактов.

Эта книга написана для того, чтобы напомнить, что любой, даже непрочный, гражданский мир лучше любой мнимо победоносной, гражданской войны...

Частично материалы книги были опубликованы на интернет-сайте Информационного агентства «Русская линия» в феврале – апреле 2017 г.

О современных судебных исках и судебных прецедентах

Автор данной публикации еще 10 лет назад в статье, посвященной законопроекту, предложенному фракцией ЛДПР в Государственной думе «О реабилитации Белого движения», рассматривая доводы противников данного законопроекта, отмечал, в частности: «Первый (довод). Белое движение в реабилитации не нуждается, потому что оно выше этого. Кошунственно поднимать вопрос о «снятии обвинений». Чьих? Безбожной власти? Так она предана анафеме. А павшие герои Белого дела «сраму не имеют». Второй. Не Жириновскому и не ЛДПР предлагать законопроекты о реабилитации Белого движения. Не им сие дано будет. А те, кто в «чистоте риз» выше этого, – они еще свое слово скажут (только когда – непонятно) ... Судебные решения в отношении белых не отменялись, сегодня их изучают будущие юристы в качестве примеров «истории судопроизводства первых лет советской власти» (цитата из одной вузовской программы).

Как написано в пояснительной записке к проекту, «красных никто и не осуждал за деяния, совершенные в этой войне». И всегда можно спросить: а чего это вы тут Белым движением занимаетесь, уголовных преступников, террористов защищаете, изучаете борьбу с собственным народом? Советская власть в реабилитации не нуждается. ПАСЕ чего-то сказало про «коммунизм», так это же «чуждый Запад», он нам не указ...»¹.

«Много воды утекло с тех пор»... Очень легко было оказаться плохим пророком в той, десятилетней давности, публикации. Но летом прошлого года сначала в интернет-сообществах, а потом и в юридически оформленных исках проявилась достаточно ясно обозначенная позиция: нельзя «реабилитировать» Белое движение и Колчака по причине совершенных ими военных преступлений. Юридически оформленные иски относились и к снятию памятной доски в Санкт-Петербурге, установленной, как следовало из аргументации ее противников, отнюдь не «выдающемуся русскому офицеру, ученому и исследователю Александру Васильевичу Колчаку», а «изменнику Родины», «палачу Сибири», «британскому агенту» и т. д., и т. п.

Следует отметить, что многие правовые моменты, касающиеся состава, статуса, полномочий и компетенций следственных структур Иркутского ревкома, подробно рассматриваются в монографии московского историка С. В. Дрокова «Адмирал Колчак и суд истории», вышедшей в издательстве «Центрполиграф» в 2009 году. Поэтому к данным вопросам обращаться еще раз, очевидно, не стоит.

Важно проанализировать два правовых акта, значение которых, несмотря на очень большой временной разрыв, по сути своей схоже. А именно: отмеченное выше постановление Иркутского ревкома и решение Смольненского районного суда, дело № 2а-185/17 от 24 января 2017 года².

Но сначала приведем полный текст одного документа:

«Постановление № 27, принято Военно-революционным комитетом 6 февраля 1920 г.:

Обысками в городе обнаружены во многих местах склады оружия, бомб, пулеметных лент и пр.; установлено таинственное передвижение по городу этих предметов боевого снаряжения; по городу разбрасываются портреты Колчака и т. п. С другой стороны, генерал Войцеховский, отвечая на предложение сдать оружие, в одном из пунктов своего ответа упоминает о выдаче Колчака и его штаба.

---

¹ Полный текст см.: Василий Цветков. «О Белом деле, государственном праве, государственном бюджете и Государственной Думе» // Электронная публикация: <http://rusk.ru/st.php?idar=424162>.

² Первая публикация была дана здесь: <https://www.facebook.com/ilya.remeslo/posts/1884242911847412...>

Все эти данные заставляют признать, что в городе существует тайная организация, ставящая своей целью освобождение одного из тягчайших преступников против трудящихся — Колчака и его сподвижников. Восстание это безусловно обречено на полный неуспех, тем не менее может повлечь за собою еще ряд невинных жертв и вызвать стихийный взрыв мести со стороны возмущенных масс, не желающих допустить повторение такой попытки.

Обязанный предупредить эти бесцельные жертвы и не допустить город до ужасов гражданской войны, а равно основываясь на данных следственного материала и постановлений Совета Народных Комиссаров Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, объявившего Колчака и его правительство вне закона, Иркутский военно-революционный комитет постановил: 1) бывшего Верховного правителя адмирала Колчака и 2) бывшего председателя Совета министров Пепеляева расстрелять. Лучше казнить двух преступников, давно достойных смерти, чем сотни невинных жертв»³.

И принципиально важная для наших публикаций выдержка из другого документа:

«...Определением Военного суда Забайкальского военного округа № 3—11 от 26.01.1999 года Колчак А. В. признан не подлежащим реабилитации, а вынесенное в отношении него постановление Иркутского военно-революционного комитета от 06.02.1920 года обоснованным (том 3, л. л. 25–29).

В указанном определении указано, что 07.02. 1920 года Колчак А. В. был расстрелян на основании Постановления Иркутского ВРК от 06.02. 1920 года.

Военный суд пришел к выводу о том, что имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что в 1918–1920 годах по распоряжению и с ведома Колчака А. В. проводились военные действия против Советской России, массовые репрессии в отношении мирного населения, красноармейцев и сочувствующих им войск. Предпринятая в отношении Колчака А. В. мера воздействия в виде расстрела, несмотря на его предыдущие заслуги, касалась именно этой стороны его деятельности и, в сложившейся на тот период ситуации, была обоснованной.

Признавая Колчака А. В. не подлежащим реабилитации, суд сослался на положения статей 4, 9 и 10 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий».

Согласно ст. 4 Закона РФ от 18.10.1991 года № 1761—1 «О реабилитации жертв политических репрессий», не подлежат реабилитации лица, перечисленные в статье 3 настоящего Закона, обоснованно осужденные судами, а также подвергнутые наказаниям по решению судебных органов, в делах которых имеются достаточные доказательства по обвинению в совершении следующих преступлений: совершение насильственных действий в отношении гражданского населения и военнопленных, военные преступления, преступления против мира, против человечности и против правосудия.

Таким образом, реабилитации не подлежат лица, совершившие действия, которые не укладываются в общепринятые моральные стандарты.

Деятельность Колчака А. В., которая, по мнению военного суда, позволяет признать обоснованной такую примененную к нему меру воздействия, как расстрел, при решении вопроса об увековечении памяти о нем подлежала оценке наравне с его заслугами.

Суд полагает, что, принимая решение об увековечении памяти кого бы то ни было, компетентный орган должен оценивать все стороны личности и деятельность данного лица на протяжении всей его жизни, поскольку очевидным является то, что вечной памяти заслуживает только человек, имеющий безупречную репутацию, принесший безусловную пользу обществу, при этом вклад его в развитие общества должен быть выдающимся. Установление государством памятного знака является актом признания государством выдающихся заслуг данного лица, накладывающим на всех без исключения граждан государства обязанность чтить память о нем...

---

³ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 72.

Несмотря на то, что решение Совета по мемориальным доскам носит рекомендательный характер, суд полагает, что отсутствие информации о признании Колчака А. В. не подлежащим реабилитации повлияло на решения, принятые как Советом, так и в последующем Правительством Санкт-Петербурга...

Довод представителя заинтересованного лица о том, что расстрел Колчака являлся актом внесудебной расправы, не имеет правового значения в рамках настоящего дела, поскольку сам по себе не характеризует личность Колчака А. В. и не является основанием для увековечения его памяти.

Не опровергает выводов суда о незаконности оспариваемого Постановления и довод административного ответчика и заинтересованных лиц об установлении памятников и мемориальных досок Колчаку А. В. в различных городах, а также возвращение исторического названия острову Колчака...

Так как в изучение нашей отечественной истории оказались вовлечены решения судебной власти, то придется обратить внимание на целый ряд сугубо правовых моментов, связанных как непосредственно с адмиралом Колчаком, проводимой им репрессивной политикой и политико-правовым статусом повстанческого движения в Сибири и советской власти вообще, так и с оценкой советского уголовного права и правовой характеристикой знаменитого постановления № 27, принятого Военно-революционным комитетом 6 февраля 1920 года.

И, что также важно, с теми «насильственными действиями в отношении гражданского населения и военнопленных, военными преступлениями, преступлениями против мира, против человечности и против правосудия», информацию о которых имели судьи Забайкальского военного округа и, вероятно, не имели представители Комитета по культуре Санкт-Петербурга.

И, приступая к политико-правовому анализу, будем помнить слова из Федерального послания Президента Российской Федерации В. В. Путина (декабрь 2016 года): «...Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки. Давайте будем помнить, что мы единый народ, мы один народ и Россия у нас одна...»

Мог ли Иркутский ревком расстрелять Колчака и Пепеляева и почему это нужно было сделать?

При анализе постановления Иркутского ревкома дается нередко оценка его действий как противоречащих тогдашнему законодательству советской власти в той части, которая имела отношение к санкции, а именно – к смертной казни. Действительно, вполне уместна при этом ссылка на «Постановление ВЦИК и СНК об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)» от 17 января 1920 г. Приведем текст этого важного документа:

«...Разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска, взятие в плен «верховного правителя» создают новые условия борьбы с контрреволюцией.

Разгром организованной армии контрреволюции подрывает в корне расчеты отдельных групп контрреволюционеров внутри Советской России свергнуть власть рабочих и крестьян путем заговора, мятежей и террористической деятельности. В условиях самообороны Советской республики против двинутых на нее Антантой контрреволюционных сил рабоче-крестьянское правительство вынуждено было прибегнуть к самым решительным мерам подавления шпионской, дезорганизаторской и мятежнической деятельности агентов Антанты и служащих ей царских генералов в тылу Красной Армии.

Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционеров и бандитов и достигнутое этим укрепление Советской власти дают ныне возможность рабоче-крестьянскому правительству отказаться от применения высшей меры наказания, т. е. расстрела, к врагам Советской власти.

Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовлетворением констатируют, что разгром вооруженных сил контрреволюции дает им возможность отложить в сторону оружие террора. Только возобновление Антантой попыток путем вооруженного вмешательства или материальной поддержки мятежных царских генералов вновь нарушить устойчивое положение Советской власти и мирный труд рабочих и крестьян по устроению социалистического хозяйства может вынудить возвращение к методам террора, и, таким образом, отныне ответственность за возможное в будущем возвращение Советской власти к жестокому методу красного террора ложится целиком и исключительно на правительства и правительствующие классы стран Антанты и дружественных ей русских помещиков и капиталистов.

Исходя из вышеизложенного, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров постановляют: Отменить применение высшей меры наказания (расстрела) как по приговорам Всероссийской чрезвычайной комиссии и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских, а также и Верховного при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете трибуналов.

За председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин)

*Председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии Ф. Дзержинский...*⁴

Теперь рассмотрим конкретную практику «революционного Иркутска» в январе 1920 года. Во-первых, в городе отсутствуют структуры советской власти (эсеро-большевистский Политцентр таковым считаться не может). Вся полнота власти (законодательной, исполнительной и судебной), по сути, только у Военно-революционного комитета, который является чрезвычайным органом власти. Эта специфика ревкомов оказывается отличительной чертой

---

⁴ Декреты Советской власти. Т. VII. М., 1974. С. 104–105.

их всех с момента возникновения первого из них – Петроградского военно-революционного комитета, то есть выполнение судебных функций и создание новых структур, наделенных судебными функциями, – в их компетенции.

О постановлении ВЦИК и СНК об отмене смертной казни представители Иркутского ревкома были, конечно, осведомлены, о чем свидетельствует «Приказ № 2 Иркутского ВРК» от 22 января 1920 года, призывающий к сдаче подразделений отступающих частей Русской армии адмирала Колчака: «...Иркутский Военно-Революционный Комитет предлагает всем оставшимся на территории действий Ревкома частям и отдельным лицам бывшей армии правительства адмирала Колчака немедленно положить оружие и сдаться Советской власти по месту своего нахождения, так как дальнейшая борьба их против советского правительства бесполезна и бесцельна и поведет лишь к их уничтожению идущими с запада советскими войсками или войсками Ревкома.

При этом Ревком объявляет о состоявшемся постановлении Совнаркома Советской Республики об отмене высшей меры наказания к врагам народа – расстрела и, таким образом, немедленная и беспрекословная сдача упоминаемых частей гарантирует им персонально сохранение жизни при разборе их дел судом Республики.

Председатель Ревкома А. Ширямов. 21.1.1920»⁵.

Мог ли ревком действовать самостоятельно, не оглядываясь на «центр» в Москве? Текст декрета Совнаркома об отмене смертной казни указывал на возможность восстановления «красного террора» в случае непосредственной угрозы революционной власти. А практика применения подобных санкций в Гражданской войне (с первых же дней советской власти) неоднократно показывала, что согласия центра в «чрезвычайных условиях» отнюдь не требовалось ради незамедлительной «победы над контрреволюцией».

Вот, например, свидетельство подобного рода: «Предписание Главному комиссару Черноморского флота о борьбе с контрреволюцией от 26 ноября (9 декабря) 1917 года.

Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. Каледины, Корниловы, Дутовы – вне закона. Переговоры с вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещаем. На ультиматум отвечайте смелым революционным действием. Да здравствует революционный Черноморский флот!

Совет Народных Комиссаров («Правда», вечерний выпуск, № 22, 27 ноября; «Известия» № 238, 28 ноября; «Рабочий и Солдат» № 36, 27 ноября).

Уместно вспомнить здесь расстрел царской семьи, объясненный как своеобразная превентивная мера Уралоблсовета ради предотвращения угроз от возможного освобождения Романовых наступающими «контрреволюционными войсками».

Иркутский ревком, заранее оправдывая свои решения ссылками на возможное ухудшение ситуации в самом городе и вокруг него, 1 февраля опубликовал «Предупреждение»: «... Иркутский Военно-Революционный Комитет, опираясь на волю масс и ту огромную силу Советской России, которая оказалась способной внести разложение в ряды врага даже через штыки колчаковской армии, вступив в управление краем, не считал необходимым красным террором неумолимо расправиться с врагами народа. Он полагает, что перед всем очевидной неизбежностью утверждения в Сибири и России единой власти Рос. Сов. Фед. Соц. Республики никто не дерзнет нарушить революционный порядок и вызвать бесполезное кровопролитие, обреченное на полный неуспех, попыткой контрреволюционного восстания. Однако имеются безумцы, которые продолжают мечтать о возможности возвращения «сычевщины» (начальник гарнизона Иркутска генерал-майор К. И. Сычев командовал войсками при попытке подавления восстания Политцентра в Иркутске в декабре 1919 г. – В.Ц.) хотя бы на час, – безумцы, работа

---

⁵ Известия Иркутского Революционного Комитета. № 1 от 24 января 1920 г.

которых может заставить Революционный Комитет пересмотреть свое отношение к моменту и сдавшейся буржуазии и реакционным элементам города.

Военно-Революционный Комитет, ответственный перед массами за сохранение революционного порядка, заявляет, что он будет беспощаден и не остановится ни перед какими мерами, если сдавшийся враг сделает попытку хотя бы на час возратить ненавистную, кровавую тиранию старой власти.

Иркутский Военно-Революционный Комитет»⁶.

Возможность применения расстрела совершенно определенно следует из приказа о наделении правом вынесения смертных приговоров чрезвычайной следственной комиссии, допрашивавшей Колчака:

«Постановление Иркутского Военно-Революционного Комитета. 3 февраля 1920 г. № 20.

Чрезвычайная следственная комиссия наделяется судебными функциями с применением высшей меры наказания – смертной казни.

Свои судебные функции комиссия осуществляет в периоды контрреволюционного вооруженного восстания.

Все приговоры представляются на конфирмацию Военно-Революционного Комитета.

В остальное время действует Военно-Революционный Трибунал.

В случае, если Военно-Революционный Комитет не сможет осуществить свои функции ввиду препятствия этому со стороны контрреволюционного восстания, – приговоры чрезвычайной следственной комиссии приводят в исполнение без конфирмации Военно-Революционного Комитета.

Председатель А. Ширямов. Члены: М. Левенсон, А. Сноскарев. Секретарь Оборин»⁷ (Известия Иркутского Рев. Ком. № 10, от 4.02.1920 г.)».

Следует рассмотреть реальность атаки Иркутска «каппелевцами» и степень готовности т. н. «контрреволюционного восстания» в городе. В этом отношении показателен следующий документ.

«Разговор по прямому проводу.

Ввиду нездоровья ген. Войцеховского, уполномоченный им ген. Щепихин передает следующее: «Противобольшевистские армии могут отказаться от прохождения через Иркутск при выполнении иркутским гарнизоном следующих условий:

1) Беспрепятственный пропуск армий за Байкал по всем путям в обход Иркутска.

2) Немедленный категорический приказ Иркутского Ревкома всем властям, всем советским регулярным и нерегулярным войскам на пути армий прекратить враждебные действия против нас. Копия этого пункта одновременно с его рассылкой должна быть сообщена мне.

3) Временное до прохода армии за Байкал прекращение пропаганды и клеветы, распространявшейся до сих пор в различных воззваниях и приказах Ревкома с обвинением армий в зверствах над населением.

4) Снабжение армий деньгами, имеющими широкое хождение на Дальнем Востоке, в сумме 200 миллионов рублей, в том числе на 50 миллионов рублей звонкой монетой. Из этой суммы не менее 100 миллионов рублей, из которых 25 миллионов звонкой монетой, должны быть высланы навстречу на ст. Черемхово. Это решительно необходимо, дабы дать возможность войскам жить, не обижая населения и не давая повода тому же Ревкому провоцировать армию.

---

⁶ Известия Иркутского Революционного Комитета. № 8 от 1 января 1920 г.

⁷ Известия Иркутского Революционного Комитета. № 8 от 1 января 1920 г.

5) Передача в мое распоряжение и беспрепятственное движение на восток в Забайкалье санитарного поезда № 8 Колесникова, состоявшего при группе Нестерова и находящегося в данное время близ ст. Зима, а также беспрепятственный пропуск раненых, больных и семей военнослужащих противобольшевистских войск на восток, в Забайкалье, в каких бы эшелонах они ни следовали.

6) Освобождение адмирала Колчака и арестованных с ним лиц, снабжение их документами на право выезда их в качестве частных лиц за границу. Просьба к представителям иностранных государств взять названных лиц под свое покровительство и гарантировать им свободный проезд за границу.

7) Приказ Ревкома городским и сельским властям на путях следования наших армий заготавливать продукты и фураж, перевязочные средства, считаясь с численностью армий в круглых цифрах 50 000 человек и 30 000 лошадей.

8) Как гарантия бескровного обхода Иркутска, все советские регулярные и нерегулярные войска должны быть выведены немедленно из района на запад от Иркутска до Черемхова включительно, на север из 150-верстной полосы и на юг из 100-верстной полосы.

Точное выполнение этого условия необходимо также и потому, что наши части при встрече с советскими частями неизбежно будут их разоружать и возможно боевое столкновение.

9) После прохода наших армий меридиана города Иркутска в течение недели не производить никаких продвижений советских войск восточнее Иркутска.

10) Для наблюдения за выполнением изложенных условий с нашей стороны Иркутский Ревком должен командировать в мой штаб трех своих представителей. Наблюдение за выполнением тех же условий противной стороной просьба принять на себя представителей иностранных государств.

11) Независимо от хода настоящих переговоров я продолжаю движение на Иркутск.

Ввиду движения штаба на восток за ответом к прямому проводу можем быть здесь на станции Зима 2 февраля 1920 года иркутского времени. В дальнейшем же продвижении на остановках будем запрашивать вас ежедневно между 20 и 22 часами иркутского времени, если вам угодно, с ближайших нашему ночлегу телеграфных станций. Другим способом переговоры по прямому проводу невозможны ввиду секретности нашего маршрута».

Доктор Благод:

«До принятия ваших условий здесь по телеграфу дошла до представителя Чехословацкой республики следующая нота советского командарма Зверева в Иркутске:

«Предлагаю вам во избежание напрасных человеческих жертв и в интересах беспрепятственного продвижения чехов войск на восток немедленно предложить ген. Войцеховскому сложить оружие и передать его в распоряжение Восточносибирской советской армии. Войскам, добровольно сложившим оружие, дается полная гарантия неприкосновенности личности.

Зверев»⁸.

Речь, как можно заметить, идет здесь отнюдь не о «штурме Иркутска» ради освобождения Колчака (это лишь 6-й пункт переговоров), а о возможности «беспрепятственного пропуска» «капелевцев» в Забайкалье.

Схожую оценку перспектив «штурма Иркутска» давал в своих воспоминаниях генерал-майор П. П. Петров: «...В Иркутске поднялась тревога, и, видимо, по просьбе иркутских властей, чешский представитель начал переговоры с Войцеховским об условиях прохода армии через Иркутск.

---

⁸ Известия Иркутского Революционного Комитета. № 9 от 3 февраля 1920 г.

На станции Зима я видел текст ответа Войцеховского, что посылался в Иркутск. В общем, выражалось согласие не трогать Иркутск при условии, если: 1) Верховный Правитель адмирал Колчак будет освобожден и передан под охрану иностранных военных частей; 2) выдачи части золотого запаса; 3) удовлетворения войск из иркутских складов одеждой, продовольствием и пр.

Переговоры ни к чему определенному не привели. Скоро стало известно, что чехи вообще настаивают на том, чтобы станция Иркутск и район около станции не были местом боевых действий, угрожая разоружением, если будет столкновение.

На 7 февраля мы ночевали в переходе от Иркутска; днем левая колонна 2-й армии вела бои с иркутскими красными севернее Сибирского тракта; решительных успехов не было. 7 февраля все наши части сосредоточились перед Иркутском; занята была станция Иннокентьевская с большими запасами военного имущества. Командование решало, что дальше делать – брать ли Иркутск силой или обходить. Известно было, что красные в городе не уверены в себе и обеспечивают отход на север; на станции железной дороги – эшелоны иностранных войск, которые заявляют нейтралитет и требуют, под угрозой разоружения, чтобы боевые действия в районе станции не происходили.

Наши части к моменту подхода к Иркутску представляют сплошные транспорты тифозных. У нас в дивизии можно набрать 200–250 здоровых, за исключением тех, кто приставлен к больным как возчик. При неудаче может создаться чрезвычайно тяжелая обстановка для всей этой массы, так как других путей на восток, кроме проходящих через Иркутск, нет. Вечером узнали, что решено не задерживаться, а ночью обойти Иркутск с юга с тем, чтобы выйти восточнее на тракт, а затем продолжать движение к Байкалу и в Забайкалье. Мы должны выступить около 10 часов вечера.

Я не знаю сущности происходивших в тот день разговоров командного состава, но слышал, что генерал Сахаров порывался бросить свою колонну в бой, а Войцеховский не соглашался; он будто выговорил у чехов, что они не будут мешать проходу колонны сначала вдоль полотна железной дороги, а затем у самого Глазковского предместья и станции, так как другой дороги в обход Иркутска не было, а без дороги здесь движение невозможно. Мы должны были ночью быстро подойти к Глазкову и от него свернуть на Смоленское, а затем пройти на Марково, оттуда повернуть на север на Кузьмину или Ершово.

С вечера все были готовы к движению. Часов в десять началось движение вдоль железной дороги к Глазкову. Настроение нервное, особенно там, где дорога спускается под гору, и сани, дровни закатываются так, что опрокидываются; ломаются оглобли, рвутся завертки. Положение саней с больными ужасно, многие, потерявшие сознание, как-то заражаются общей нервностью и в полусознании начинают тревожиться. Подходим к Глазкову – полная тишина; что бы здесь было, если бы раздалось тявканье пулемета. Сворачиваем на юг и едем, едем довольно быстро всю ночь. Отдыхать нельзя, так как нужно до рассвета быть восточнее Иркутска. Часов в девять утра выходим на тракт – с высот виден город. Оттуда скоро доносятся пушечные выстрелы. Неизвестно по ком, по нам ли или по хвостам. В общем, все сошло благополучно. Только поздно вечером 8 февраля мы стали на ночлег в деревне Тальцы, двигаясь почти беспрерывно не меньше 18 часов. Лошади заморились страшно...»⁹

Правда, генерал-майор С. А. Щепихин в своих неопубликованных воспоминаниях писал несколько иное – про своеобразную «маскировку» требования о выдаче Колчака:

«...Ответ просили прислать часа через два, вызвав к аппарату д-ра Благож... Я собрал ленту и спешно направился к Войцеховскому. О моем разговоре с Иркутском уже знали некоторые старшие начальники, которых я и застал у нас на квартире. Здесь были кроме меня и Войцеховского еще Сахаров 1-й, Вержбицкий.

---

⁹ Генерал П. П. Петров. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918–1922 гг.). Рига, 1930. С. 147–149.

Предоставив высказаться, Войцеховский стал записывать лично сам, мнения и сводку их я должен был передать немедленно на телеграф.

Первым заявлением было сахаровское предложение: «Освобождение адмирала Колчака». Пункт был боевой и неотклоняемый: разве кто-либо из присутствующих мог решиться возразить или смягчить его форму? Уже тогда этот человек не нашел бы себе места на земном шаре за это – вторичное – предательство адмирала Колчака.

Теперь, когда события уже известны всему миру, возможно поставить такой вопрос – не побудило ли это наше, поставленное намеренно первым, требование нашим противникам ускорить расправу с адмиралом Колчаком?

Если, конечно, вообще все эти переговоры не затеяны с целью затянуть время, необходимое противнику... Если эти переговоры – ловушка, и ловушка двойная:

Во-первых, увидеть, что нам наиболее дорого,

Во-вторых, затянуть время.

Вот, принимая во внимание весьма вероятные причины начатия таких переговоров, некоторым из нас казалось не политическим и тактически неправильным обнаруживать наши скрытые желания.

Но как высказать это на нашем собрании, чтобы не показалось это странным? Я отозвал Войцеховского в сторону и высказал ему свои соображения. Оказывается, на самом деле он такого же мнения, и тут же решил поделиться своими соображениями с остальными... Его-то никто не мог в чем-то заподозрить.

Сахаров высказался принять к сведению, но все же настаивал на включении этого пункта.

Чтобы примирить два мнения, решено было пункт о Колчаке не выдвигать выпукло в наших пунктах, а поставить между другими и пункты разработать с вероятно большей подробностью...»¹⁰

Таким образом, подведем первый итог. Иркутский ВРК, зная об отмене смертной казни СНК и ВЦИКом при отсутствии непосредственной угрозы, тем не менее применяет ее в отношении Колчака и Пепеляева, мотивируя это угрозами наступления «капшелевцев» и «восстания» в Иркутске. Но – ни та, ни другая угрозы не осуществляются...

---

¹⁰ ГА РФ. Ф. 6605. Оп. 1. Д. 10. Л. 116.

Как определялись «преступления» Белого движения?

Рассматривая причину расстрела Колчака и Пепеляева в 1920 году, необходимо учитывать характерную для тогдашней «революционной эпохи» форму обвинения – объявление «вне закона». Именно оно стало гораздо более, чем ссылки на угрозы наступления «каппелевцев» и «контрреволюционного восстания» в Иркутске, очевидной причиной смертной казни, вынесенной ревкомом.

Данная мера наказания обозначалась в принятых 12 декабря 1919 г. Народным Комиссариатом Юстиции РСФСР «Руководящих началах по уголовному праву». В них (статья 25), «в соответствии с задачей ограждения порядка общественного строя от нарушения», предусматривалось, в частности: «объявление врагом революции или народа», «объявление вне закона», а также, отдельно, «расстрел» (его не могли применять только «народные суды»). При этом считалось допустимым «сочетание видов наказания». Правоприменительная практика данных обвинений восходит к первым дням существования советской власти, в этом видна прямая связь с традициями «якобинского террора» периода Великой Французской революции, заимствования из терминологии которой (*ennemi du peuple* – «враг народа») были весьма популярны среди большевиков. А применялись данные обвинения и наказания исключительно за «преступления» политического характера.

Вот яркий пример подобного рода:

«Обращение «Ко всему населению» о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина и Дутова от 25 ноября (8 декабря) 1917 г.

В то время, как представители рабочих, солдатских и крестьянских Советов открыли переговоры с целью обеспечить достойный мир измученной стране, враги народа империалисты, помещики, банкиры и их союзники казачьи генералы предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов. Каледина на Дону, Дутова на Урале подняли знамя восстания. Кадетская буржуазия дает им необходимые средства для борьбы против народа. Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей. Каледина ввел на Дону военное положение, препятствует доставке хлеба на фронт и собирает силы, угрожая Екатеринославу, Харькову и Москве. К нему на помощь прибыл бежавший из заключения Корнилов, тот самый, который в июле ввел смертную казнь и шел походом на революционный Петроград.

В Оренбурге Дутов арестовал Исполнительный и Военно-революционный комитет[ы], разоружил солдат и пытается овладеть Челябинском, чтобы отрезать сибирский хлеб, направляемый на фронт и в города. Караулов громит чеченцев и ингушей на Кавказе. Политическим штабом этого восстания является Центральный комитет кадетской партии. Буржуазия представляет десятки миллионов контрреволюционным генералам на дело мятежа против народа и его власти. Буржуазная Центральная рада Украинской республики, ведущая борьбу против украинских Советов, помогает Калединым стягивать войска на Дон, мешает Советской власти направить необходимые военные силы по земле братского украинского народа для подавления калединского мятежа. Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются изнутри Учредительного собрания прийти на помощь своим генералам – Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задуть народ.

Рабочие, солдаты, крестьяне, революция в опасности. Нужно народное дело довести до конца. Нужно смести прочь преступных врагов народа. Нужно, чтобы контрреволюционные заговорщики, казачьи генералы, их кадетские вдохновители почувствовали железную руку

революционного народа. Совет Народных Комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено, и виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Все те области на Урале, Дону и других местах, где обнаружатся контрреволюционные отряды, объявляются на осадном положении.

2. Местный революционный гарнизон обязан действовать со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху.

3. Какие бы то ни было переговоры с вождями контрреволюционного восстания или попытки посредничества безусловно воспрещаются.

4. Какое бы то ни было содействие контрреволюционерам со стороны местного населения или железнодорожного персонала будет караться по всей тяжести революционных законов.

5. Вожди заговора объявляются вне закона.

6. Всякий трудовой казак, который сбросит с себя иго Калединых, Корниловых и Дутовых, будет встречен братски и найдет необходимую поддержку со стороны Советской власти.

*Совет Народных Комиссаров»*¹¹.

Важно обратить внимание, на то, что Совнарком предписывает здесь не только вышеупомянутые виды наказаний (объявление «вне закона» и «врагом народа») по отношению к представителям зарождающегося Белого движения на Юге России, но и объявляет эти районы «на осадном положении» и реально угрожает не только «контрреволюционерам», но и «местному населению» (тому самому «гражданскому», «мирному» – в терминах современных публицистов).

Вот и еще один, более известный пример из декретов Совнаркома:

«Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции 28 ноября (11 декабря) 1917 г.

Члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа, подлежат аресту и преданию суду революционных трибуналов.

На местные Советы возлагается обязательство особого надзора за партией кадетов ввиду ее связи с корниловско-калединской гражданской войной против революции. Декрет вступает в силу с момента его подписания.

*Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин). Народные комиссары: Н. Авилов (Н. Глебов), П. Стучка, В. Менжинский, Джугашвили-Сталин (при обсуждении декрета в СНК Сталин, единственный из его членов, выступил «против» данного декрета. – Прим. В.Ц.), Г. Петровский, А. Шлихтер, П. Дыбенко, Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Влад. Бонч-Бруевич, Секретарь Совета Н. Горбунов. Петроград, 28 ноября 1917 г. 10½ час. вечера»*¹².

И вот, собственно, тот самый документ («Обращение к рабочим, крестьянам и всем трудящимся Сибири»), на основании которого действовал Иркутский ревком:

«...1. Бывший царский адмирал Колчак, самозванно наименовавший себя «Верховным правителем», и его «Совет министров» объявляются вне закона. Все ставленники и агенты Колчака и находящегося в Сибири союзнического командования подлежат немедленному аресту... 16 августа 1919 г.»¹³.

---

¹¹ Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 154–155.

¹² Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 154–155.

¹³ Цит. по: Дроков С. В. Адмирал А. В. Колчак и суд истории. М., 2009, с. 4.

Вообще, уже с 25 октября 1917 г., с момента опубликования знаменитого обращения Петроградского Военно-революционного комитета «К гражданам России», в котором говорилось о «низложении» Временного правительства, любые действия, направленные на противодействие советской власти, расценивались уже как «мятеж». Так, например, 29 октября ВРК в воззвании «Ко всему населению» так «юридически» охарактеризовал действия Керенского, ведущего полки 3-го конного корпуса на Петроград: «Бывший министр (даже не премьер и не Главковерх. – В.Ц.) Керенский, низложенный народом, отказывается подчиниться решению Всероссийского съезда Советов и пытается преступно противодействовать законному правительству, избранному Всероссийским съездом, – Совету Народных Комиссаров... Фронт отказал Керенскому в поддержке. Москва присоединилась к новому правительству. В целом ряде других городов (Минск, Могилев, Харьков) власть перешла к Советам.

Граждане Петрограда! Мы знаем, что огромное большинство вас за власть революционного народа, против корниловцев, руководимых Керенским. Не давайте обманывать себя ложными заявлениями бессильных буржуазных заговорщиков, которые будут раздавлены беспощадно.

Рабочие, солдаты, крестьяне, мы требуем от вас революционной готовности и революционной дисциплины.

Многочисленное крестьянство, многочисленная армия – с нами. Победа народной революции неизбежна.

*Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов*¹⁴.

Если же «расшифровывать» юридическое положение «вне закона», то можно заметить, что его правоприменительная практика в первую очередь должна была показать, что все обширное законодательство Российского правительства адмирала Колчака юридически ничтожно, не имеет никаких правовых последствий. В условиях Гражданской войны это вполне понятная, оправданная мера. Объявление «вне закона», по существу, означало, что к лицам, получившим такой «статус» от революционной власти, уже не могут применяться ни базовые международные правовые акты (в силу отсутствия международного признания РСФСР на тот момент), ни, тем более, базовые нормы дореволюционного права, декретивно отмененного в РСФСР. В историческом прошлом это фактически означало, что даже убийство этих лиц ненаказуемо. Поэтому «судьба» Колчака и членов его правительства, по большому счету, была предрешена не в январе 1920-го, а еще в июле 1919-го.

Подтверждением этого тезиса является и судьба последнего премьера Российского правительства Виктора Николаевича Пепеляева. Перечень «Документов к следственному делу В. Н. Пепеляева» включает в себя, в частности: «...Паспорт В. Н. Пепеляева... (фирменный бланк). Б. м. (16 сентября 1918 г.); ...Удостоверение об отсрочке от призыва в армию (фирменный бланк), г. Омск. (25 сентября 1919 г.); Заявление Пепеляева в ЧСК о нежелании своего освобождения из тюрьмы (своеобразное подтверждение некоей «трусости» Пепеляева, якобы «просившего о пощаде» революционную власть. – Прим. В.Ц.) в ожидании суда (рукопись, подлинник), Иркутская тюрьма. (03 февраля 1920 г.); Прошение вдовы Е. Пепеляевой с просьбой выдать ей вещи мужа. (Рукопись, подлинник), г. Иркутск. (09 февраля 1920 г.); Расписка Е. Пепеляевой в получении вещей мужа. (Рукопись, подлинник), г. Иркутск. (11 февраля 1920 г.); Постановление ЧСК о прекращении следственного дела на Пепеляева, ввиду его казни, с выдачей предсмертной записки Е. Пепеляевой (Рукопись, подлинник), г. Иркутск (12 февраля 1920 г.); Расписка Е. Пепеляевой в получении переписки и бумаг, относящихся к делу ее мужа (рукопись, подлинник), г. Иркутск. (17 февраля 1920 г.); Постановление ЧСК о пре-

---

¹⁴ Митрофанов Н. Дни Великого штурма. М., 1983. С. 90.

провожении заявления Е. Пепеляевой в губревком с просьбой о выдаче тела мужа, с заключением, что со стороны ЧСК препятствий к ее просьбе не имеется (рукопись, подлинник), г. Иркутск. (20 февраля 1920 г.); Служебная записка управляющего делами губревкома (подпись неразборчива) о том, что тело В. Н. Пепеляева погребено и выдано быть не может (машинопись, подлинник), г. Иркутск. (23 февраля 1920 г.); ... Справка, составленная товарищем председателя ЧСК Поповым о том, что с В. Н. Пепеляева не снято ни одного допроса ввиду смертного приговора... (рукопись, подлинник), г. Иркутск (10 марта 1920 г.); Опись документов и переписки В. Н. Пепеляева (машинопись, подлинник), г. Иркутск. (март 1920 г.)...»

Таким образом, в отличие от Колчака, которого все-таки допрашивала Следственная комиссия, по отношению к главе Совета министров этого сделано не было...

Правда, нужно учитывать «революционную специфику» законодательства первых лет советской власти. В. И. Ленин как выпускник юридического факультета и глава правительства, призванного осуществить «построение социализма», определял их достаточно своеобразно. В «Проекте программы РК (б)» судьям предлагалось, например, «...осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его, руководствоваться социалистическим правосознанием, отвергая законы свергнутых правительств»¹⁵. Из этого же принципа исходил и декрет о суде (№ 1), принятый 5 декабря 1917 г., утверждавший «демократические выборы судей» одновременно с введением революционных трибуналов. Прежнее законодательство сохраняло силу законов «свергнутых правительств» исключительно в том случае, если оно не противоречило «революционной совести» и «революционному сознанию». Как известно, принцип «государства диктатуры пролетариата» и «классового правосознания» закрепляла и Конституция РСФСР, единогласно принятая однопартийным большинством 5-го Всероссийского съезда Советов 10 июля 1918 г. «...Мы не обещаем, – отмечал Ленин, – свободу и равенство вообще... Это и сказано в Конституции: диктатура рабочих и беднейшего крестьянства для подавления буржуазии»¹⁶.

Таким образом, говорить о правопреемственности, о соблюдении общепринятых норм тогдашнего государственного, гражданского, международного, да и любого другого права при таких «базовых ценностях» не приходилось. Господство политики, господство принципов классовой борьбы, наказания за преступления политического характера, преступления против государства «диктатуры пролетариата» здесь несомненны.

Преамбула «Руководящих начал по уголовному праву» в этом отношении еще более конкретна:

«...Пролетариат, завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения рабочих масс, со всеми его органами, армией, полицией, судом и церковью. Само собой разумеется, что та же участь постигла и все кодексы буржуазных законов, все буржуазное право как систему норм (правил, формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков). Как пролетариат не мог просто приспособить готовую буржуазную государственную машину для своих целей, а должен был, превратив ее в обломки, создать свой государственный аппарат, так не мог он приспособить для своих целей и буржуазные кодексы пережитой эпохи и должен был сдать их в архив истории. Без особых правил, без кодексов вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями. В процессе борьбы со своими классовыми врагами пролетариат применяет те или другие меры насилия, но применяет их на первых порах без особой системы, от случая к случаю, неорга-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, С. 115.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39, С. 424.

низованно. Опыт борьбы, однако, приучает его к мерам общим, приводит к системе, рождает новое право.

Почти два года этой борьбы дают уже возможность подвести итоги конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы и необходимые обобщения.

В интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть. И прежде всего это должно относиться к уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития в переходный период диктатуры пролетариата. Только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства. Этой задаче – задаче помочь органам советской юстиции выполнить свою историческую миссию в области борьбы с классовыми противниками пролетариата – идет навстречу Народный Комиссариат Юстиции, издавая настоящие руководящие начала по уголовному праву РСФСР:

I. Об уголовном праве. 1. Право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой. 2. Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания). 3. Советское уголовное право имеет задачей – посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата...»

Есть один существенный правовой момент: в «Руководящих началах» (раздел VIII, «О пространстве действия уголовного права», статья 27) отмечено: «...Уголовное право РСФСР действует на всем пространстве Республики как в отношении ее граждан, так и иностранцев, совершивших на ее территории преступление, а равно в отношении граждан РСФСР и иностранцев, совершивших преступление на территории иного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР...»¹⁷.

Каким образом устанавливалось на тот момент гражданство РСФСР? Уместно напомнить текст декрета СНК и ВЦИК от 24 ноября 1917 года «Об уничтожении сословий и гражданских чинов»:

«...11 (24) ноября 1917 г. Ст. 1. Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются; Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и проч. советники) уничтожаются, и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики; Ст. 3. Имущества дворянских сословных учреждений немедленно передаются соответствующим земским самоуправлениям; Ст. 4. Имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских самоуправлений; Ст. 5. Все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются немедленно в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений; Ст. 6. Все соответствующие статьи доньше действовавших законов отменяются; Ст. 7. Настоящий декрет вступает в силу со дня его опубликования и немедленно приводится в исполнение местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

---

¹⁷ Текст «Руководящих начал» см., например: docs.cntd.ru/document/901870462.

Порядок приобретения гражданства, таким образом, обозначен – через местные советы. Однако он не конкретизируется. Существовали различные формы «легализации» бывших «подданных Российской империи» на территории РСФСР – от продуктовых карточек до «паспортных листов» – своеобразных суррогатов паспортной системы. Можно установить, что гражданами РСФСР становились одновременно все проживавшие на территории Российской Республики (провозглашенной 1 сентября 1917 г.) в тех ее частях, где существовали органы советской власти. Примечателен декрет ВЦИК от 5 апреля 1918 г. «О приобретении прав русского гражданства». Правда, он относился к иностранцам, но в нем обозначена процедура, в соответствии с которой «для приобретения прав русского гражданства иностранец делает о том заявление в местный, по месту жительства, Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов, с указанием рода своих занятий и сообщением сведений о том, не подвергался ли он судебному преследованию по обвинению в общеуголовном преступлении, а если подвергался, то за какие деяния». Причем «самоличность делающего заявление, при отсутствии других средств к ее установлению, удостоверяется свидетельством полноправных граждан Российской Социалистической Федеративной Советской Республики».

Но там, где советской власти не существовало, бывшие подданные Российской империи, очевидно, не могли «легализоваться» в статусе граждан РСФСР. На данных территориях советская власть, как правило, и не признавалась, ее легальность и легитимность (равно как и все ее законодательство) оспаривались не только Правительствующим Сенатом Российской Республики, но и значительным числом местных структур власти в государствах и государственных образованиях, возникших после февраля и октября 1917 года. Можно ли было считать проживавших там бывших подданных Российской империи гражданами РСФСР и подвергать их наказанию по нормам РСФСР?

С другой стороны, члены, например, антисоветского подполья, агенты белой разведки, проживавшие и работавшие на территории РСФСР, могли подвергаться наказаниям по советским законам, в чем они, кстати, и не сомневались и на что они вполне сознательно шли, рискуя ради выполнения тех задач, которые на них возлагались командованием белых армий.

Но могли ли нормы РСФСР применяться, например, к солдатам и офицерам Добровольческой армии, донским степнякам-партизанам, бойцам казачьих отрядов атаманов Дутова, Семенова, действовавшим на основании совершенно иных законодательных актов? Могли ли нормы РСФСР применяться к А. В. Колчаку, как известно, ни одного дня не находившемуся на территории РСФСР до января 1920 г. и не ставшему иностранным подданным (не существует документов, подтверждающих это, за исключением мифов о якобы реальной службе Колчака в британских воинских контингентах)?

Гражданская война – самая страшная из войн еще и потому, что здесь идет непримиримая «война законов». А заложниками этой войны становятся соотечественники, граждане, подданные прежде единого государства...

Таким образом, следующий итог: смертная казнь в отношении Колчака, членов его правительства есть (помимо несостоятельных ожиданий наступления «каппелевцев» на Иркутск и «контрреволюционного восстания») также и прямое следствие объявления их «вне закона» и фактического лишения их каких бы то ни было правовых норм защиты со стороны «революционной власти» (что подтверждает судьба Пепеляева). Уместно помнить при этом, что Колчак гражданином РСФСР не был. То, что решение о расстреле было принято исключительно как наказание за «политические преступления» – несомненно. Напомним слова из постановления Иркутского ревкома: «тягчайшие преступники против трудящихся», «преступники, давно достойные смерти».

Кстати, теперь можно вспомнить текст статьи 1 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-І «О реабилитации жертв политических репрессий»: «Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по поли-

тическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделавшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделавшимися административными полномочиями».

Как определялись «преступления» большевиков?

Оценивая проблемы политического, военного и правового противостояния в России 100 лет назад, нужно отметить и то, как в политико-правовых документах антибольшевистского и Белого движения отражалась суть событий 25 октября 1917 года – приход большевиков к власти. Вот первый акт «новой власти»:

«Обращение Петроградского Военно-революционного комитета. К гражданам России!

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства – это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, 25 октября (7 ноября) 1917 года».

Но в стране, помимо «низложенного» Временного правительства, действовали также и структуры местного (земского и городского) самоуправления и органы региональной власти, легализованные до октября 1917 года. Являлся ли, таким образом, ВРК при Петроградском Совете выразителем «воли» всей России? Подчеркнем, что речь идет не о социально-психологическом восприятии в «народном сознании» совершившегося в Петрограде события, а сугубо о политико-правовом определении данного события, т. е. «перехода» государственной власти в руки Петроградского ВРК, названного Великой Октябрьской социалистической революцией.

Обратимся к определению позиции высшей судебной, кассационной инстанции, «высшего хранителя и толкователя законов» – Правительствующего Сената, который в марте 1917-го подтвердил легальность акта об отречении от престола государя императора Николая Александровича Романова и акта о непринятии престола великим князем Михаилом Александровичем.

Упомянуть об этом нужно, поскольку существует расхожий тезис (уходящий корнями еще в послереволюционные эмигрантские дискуссии) о том, что после «недействительного», «подложного» «Манифеста об отречении» государя императора Николая II никакой легитимной власти в России в 1917 году не было. Один из юридических аргументов в пользу этого тезиса таков: Сенат не утверждал акта отречения Николая II, и поэтому он юридически ничтожен.

Однако... Согласно официальному сообщению, 5 марта на заседании 1-го департамента министр юстиции Керенский (по статусу ставший и генерал-прокурором Сената) передал обер-прокурору П. Б. Врасскому оба упомянутых акта. Далее: «рассмотрев предложенный на его обсуждение вопрос, Правительствующий Сенат определил распубликовать оба акта в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» и сообщить об этом указами всем подчиненным Сенату должностным лицам и правительственным местам. Оба акта приняты Сенатом для хранения на вечные времена». Определение 1-го департамента Сената подтверждало исключительный характер власти Временного правительства: «Временное правительство волею народа облечено диктаторской властью, самоограниченной его собственной Декларацией и сроком до Учредительного Собрания».

Судя по интервью сенатора, профессора Э. Н. Берендтса, опубликованному в апреле 1922 г., заседание 5 марта завершилось официальным обращением сенаторов к Керенскому: «Сенат решил издать требуемый указ (акты Государя и Великого князя. – В.Ц.) и просит Вас передать Временному Правительству, что он будет поддерживать Временное Правительство

во всем, что будет содействовать укреплению законности в России». 9 марта на заседании полного состава 1-го департамента Временное правительство принесло присягу. Акты отречения от власти и принятия временной власти окончательно получили правовое оформление и юридическую силу¹⁸.

Итак, данные акты не только получили законную силу, но и стали основой формирования политико-правовой системы Российского государства на период до Учредительного Собрания. Временное правительство получило формальный, подтвержденный Сенатом статус высшей законодательной и исполнительной власти. Никаких принципиальных, «революционных» отклонений от цели правопреемственности на протяжении 1917 года Правительствующий Сенат не фиксировал. Как бы ни оценивать Керенского с точки зрения его человеческих и политических качеств – у него и у возглавляемого им правительства была формальная власть.

А после «октябрьских событий» на совещаниях департаментов Правительствующего Сената от 6 и 23 ноября 1917 г., созванных по инициативе бывшего министра юстиции С. М. Зарудного, Петроградский военно-революционный комитет и Совет народных комиссаров были квалифицированы так:

«Сенат осведомился о намерении лиц, захвативших власть незадолго до созыва Учредительного Собрания, которое должно являться истинным выражением директивной воли русского народа, посягнуть на самое существование Правительствующего сената, в течение с лишком 200 лет стоящего на страже закона и порядка в России. Эти лица, решаясь упразднить Правительствующий сенат и все суды, подрывают сами основы государственного строя и лишают население последней его опоры – законной охраны его личных и имущественных прав. Преступные действия лиц, именующих себя народными комиссарами, в последние недели свидетельствуют, что они не останавливаются перед применением насилия над учреждениями и лицами, ставшими на страже русского государства. Прежде чем насилие коснется старшего из высших учреждений России и лишит Правительствующий Сенат возможности возвысить свой голос в час величайшей опасности для родины, созванное на основе ст. 14 Учреждения Сената общее собрание Сената определяет, не признавая законной силы за распоряжениями каких бы то ни было самочинных организаций, неуклонно исполнять впредь до решения Учредительного Собрания об образовании власти в стране возложенные на Сенат законом обязанности, доколе к этому представляется какая-либо возможность, о чем и дать знать всем подчиненным местам и лицам»¹⁹.

Не многим отличались, по существу, официальные декларации, заявления, принятые в казачьих областях. Например, резолюция Оренбургского Войскового Круга, принятая на Чрезвычайной сессии в феврале 1918 г. в г. Верхнеуральске, гласила: «Выслушав наказы станиц, данные делегатам с мест, и мнения самих депутатов по политическому моменту, и, особенно, по борьбе с большевиками, и имея в виду, что как наказы, так и мнения всех депутатов говорят за беспощадное сопротивление большевикам, значит, за неподчинение так называемому Совету Народных Комиссаров, Чрезвычайный войсковой круг единогласно постановил: впредь до установления Всероссийским Учредительным Собранием государственной власти – никакой власти в войске не признавать, кроме власти Войскового Круга, который для Оренбургского Казачьего Войска является единственным хозяином, распорядителем и законодателем для Войска; его постановления обязательны не только для лиц Войскового сословия, но и для проживающих на Оренбургской казачьей территории – лиц не Войскового сословия.

Отдельные лица, как зачинщики, подстрекатели, или насильники, а равно и лица, подписавшие постановления явно противоречащие решениям Войскового Круга, или Окружных

---

¹⁸ Русский Инвалид. Петроград. № 58. 8 марта 1917 г.; *Берендтс Э. Н.* Из воспоминаний старого сенатора (Заседания 1 Департамента Правительствующего Сената 5 и 9 марта 1917 г. // Жизнь. Ревель. № 3. 22 апреля 1922 г.

¹⁹ *Чубинский М. П.* На Дону (из воспоминаний обер-прокурора) // Донская Летопись. 1923. № 1. С. 135.

съездов, приводя таковые в исполнение – будут привлекаться к строгой ответственности и, помимо этого – исключаться из Войска; исполнение же этого возлагается на Войсковое Правительство и Окружные Управления.

Если означенные лица, или общества будут сопротивляться, то применять к ним принудительные меры, через особо для того организованные отряды, всеми мерами и средствами, находящимися в распоряжении Окружных Управлений и этих отрядов. Всякие самочинные выступления как от имени целых обществ, под видом якобы советов, сходов и др., не созданных подлежащими властями, так и отдельных лиц против установленных Восковым Кругом властей, или даже отдельных частных лиц, будут строго преследоваться. Пропаганда в пользу большевиков с целью развала общества, или частей его должна строго преследоваться. Одинаково отвечают за укрывательство этих нарушителей, установленного в Войске порядка, и должностные лица.

Сходы станичные и поселковые считаются законными при условии, если они состоят лишь из гласных и созваны порядком, установленным Положением о самоуправлении, а общие собрания в станице или поселке, – при условии, если на них участвует не менее 2/3 лиц данной станицы, или поселка, пользующихся избирательным правом, т. е. в возрасте от 20 лет и старше, при том созданные станичными или поселковыми властями, а постановления – засвидетельствованы этими же властями.

Лиц, ведущих агитацию против установленной в Войске власти или возбуждающих население к погромам, грабежам или другим беспорядкам, задерживать и доносить о них по инстанции»²⁰.

Схожие по юридическому значению акты принимались и другими антибольшевистскими правительствами на территории России в течение 1917–1918 гг. Нужно обратить особое внимание на «сибирское законодательство», поскольку именно здесь сформировался т. н. «режим колчаковской диктатуры». В первых же строках Декларации Временного Сибирского правительства «О государственной самостоятельности Сибири» говорилось: «Временное Сибирское Правительство, приняв на себя всю полноту власти в стране после изгнания узурпаторов – большевиков, наряду с другими важнейшими задачами полагает также необходимым вывести Сибирь из того неопределенного положения, в котором она находится вследствие разгона большевиками Сибирской Областной Думы и продолжающегося их господства в Европейской России».

Еще один важный документ – «Постановление Временного Сибирского Правительства от 4 июля 1918 года» «Об аннулировании декретов советской власти»:

«Ввиду того, что советские власти основаны были на захвате и преступном насилии над волей народа, Временное Сибирское Правительство, считая все советские учреждения незаконными, объявляет:

1. Что все декреты, изданные так называемым Советом Народных Комиссаров и местными советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, являются актами неправомерными, а потому ничтожными; и

2. что для внесения планомерности в дело восстановления прав и отношений, измененных декретами советской власти, таковое восстановление должно производиться в соответствии с руководящими в каждой области указаниями центральных правительственных учреждений.

Председатель Совета Министров, Министр Иностранных Дел П. Вологодский. Члены Совета Министров: Министр Внутренних Дел В. Крутовский, Министр Финансов И. Михайлов, Министр Юстиции Григорий Патушинский, Министр Туземных Дел М. Шатилов. Управляющий Делами Совета Министров Г. Гинс...»

---

²⁰ Акулишин И. Г. Оренбургское Казачье Войско в борьбе с большевиками, 1917–1920. Шанхай. 1937. С. 182–184.

И также – Постановление Временного Сибирского Правительства от 6 июля 1918 года «О недопущении советских организаций»:

«Принимая во внимание, что организации так называемых советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, составившиеся на основах, ничего общего с демократическими принципами не имеющих, в своей прошлой деятельности проявили враждебность государственному правопорядку и местной власти, вплоть до преступного посягательства на верховные права Всероссийского Учредительного Собрания и Сибирской Думы, а также ввиду того, что политические интересы населения достаточно представлены в политических партиях, а классовые – в профессиональных союзах, что советы вызывают непримиримую ненависть населения, Временное Сибирское Правительство постановляет:

1) Все существующие советы рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов закрываются.

2) Образование новых советов или иного наименования организаций из представителей обществ и союзов профессионального или промышленного характера, но с задачами политическими, воспрещаются.

3) Образование профессиональных организаций, не преследующих политических целей, не подвергаются никаким ограничениям.

4) Министерству труда поручается спешно разработать положение о порядке и условиях возникновения профессиональных союзов.

Председатель Совета Министров, Министр Иностранных Дел П. Вологодский, Министр Внутренних Дел В. Кротовский, Министр финансов И. Михайлов, Министр Юстиции Григорий Патущинский. Управляющий Делами Совета Министров Г. Гинс»²¹.

Однозначно преступными оценивались действия большевистской партии. Но если в РСФСР распространенными были обвинения и наказания в духе Великой Французской революции и Парижской Коммуны, то на территориях Белого движения использовались политико-правовые нормы дореволюционной России. Автор рассматривал репрессивную политику, проблематику т. н. «белого террора» в статье «Белый террор: преступление или наказание?»²². Кратко основные правовые положения, на которые опиралась белая власть, можно повторить:

«...Основой законодательной базы в оценке прихода к власти большевиков и ареста Временного правительства стали измененные статьи главы 3-й Уголовного Уложения 1903 г. «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы Императора и Членов Императорского Дома». Среди них выделялись статья 100-я, согласно которой «виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части установленных Законами образа правления или порядка наследования Престола и отторжение от России какой-либо ее части», приговаривался к смертной казни, и 101-я, по которой «виновный в приготовлении к тяжкому преступлению» наказывался каторгой на срок не свыше 10 лет.

Постановление Временного правительства от 4 августа 1917 г. (подписано министром-председателем А. Ф. Керенским и министром юстиции А. Зарудным) изменило определение признаков преступления. Теперь виновные наказывались за «насильственное посягательство на изменение существующего государственного строя в России, или на отторжение от России какой-либо ее части, или на смещение органов Верховной в государстве власти, или на лишение их возможности осуществлять таковую». В связи с отменой смертной казни была

---

²¹ Все отмеченные выше законодательные акты см: Сборник Указаний и Распоряжений Временного Сибирского Правительства, 18 июля 1918 г. № 2. С. 1–2; 4–5.

²² Полный текст доступен на сайте «Добровольческий корпус»: <http://www.dk1868.ru/statii/Tstvetkov5.htm>.

изменена и санкция (по статье 100-й – наказание в виде «бессрочной или срочной каторги», а 101-й – «заключение в исправительном доме или крепости»²³.

Правовые нормы, определявшие действия РСДРП(б) и контролируемых ими структур ВРК и Петроградского Совета, принципиально не отличались от принятых в уголовно-процессуальном законодательстве начала XX века. Эта же практика сохранялась длительное время и в нормативно-правовых актах, принимаемых белыми правительствами. Но с середины 1918 г. в их юридическую практику вводится тезис о необходимости выделения дел, относящихся к выступлению большевиков, в отдельное судопроизводство. Примечательны в этом отношении принятые почти одновременно постановления Верховного Управления Северной области «Об упразднении всех органов советской власти» (2 августа 1918 г.) и Временного Сибирского правительства «Об определении судьбы бывших представителей советской власти в Сибири» (3 августа 1918 г.).

В первом отмечалось, что наряду с упразднением «всех органов советской государственной власти» подвергались аресту все работники Советов и комиссары, назначенные большевиками. Арест длился «впредь до выяснения следственными органами степени виновности их в содеянных советской властью преступлениях – убийствах, грабежах, предательстве родины, возбуждении гражданской войны между классами и народностями России, расхищении и злоумышленном уничтожении государственного, общественного и частного имущества под предлогом исполнения служебного долга и в других нарушениях основных законов человеческого общества, чести и нравственности». Для «расследования злоупотреблений и злодеяний и противозаконных действий агентов советской власти» создавалась Особая Временная Следственная Комиссия, получившая полномочия «возбуждать уголовные преследования как против агентов советской власти, так и против причастных к их преступной деятельности частных и должностных лиц всех ведомств...».

«Сибирское» постановление было примечательно тем, что в нем официально говорилось не только об уголовной, но и о политической ответственности «сторонников большевизма»: «все представители так называемой советской власти подлежат политическому суду Всесибирского Учредительного Собрания» и «содержатся под стражей до его созыва». Далее конкретизировались преступления с сугубо «сибирской спецификой»: «...представители той же власти, совершившие преступные деяния, носящие характер государственной измены и предусмотренные ст. 108 Уголовного Уложения (вооружение военнопленных мадьяр и немцев, образование из них воинских частей для борьбы против Временного Сибирского правительства, расхищение золотых запасов и денежной наличности, порча железных дорог, уничтожение предметов продовольствия и проч.), а также виновные в преступных деяниях общеуголовного характера, совершенных ими при осуществлении советской власти и предусмотренных ст. 289, 1540, 1545, 1643 и др. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (расстрелы, конфискации имущества, взыскания контрибуций, угрозы с корыстной целью, противозаконное заключение)», подлежали помимо «политической» также и общеуголовной ответственности²⁴.

Приход к власти Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака, формирование всероссийского масштаба Белого движения, а также официальное провозглашение политики «красного террора» после покушения на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. изменили правовое определение «борьбы с советской властью».

Но прежде рассмотрим т. н. «природу» политической власти Белого движения в Сибири и особенности «прихода к власти» адмирала Колчака. Было ли это «революционным актом», вполне сопоставимым, как считают некоторые современные публицисты, с действиями боль-

²³ Уголовное Уложение. 1903 г. // Российское законодательство X – XX веков. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 300; ГА РФ. Ф. 6532. Оп. 1. Д. 1. Л. 220.

²⁴ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского Правительства. № 7. 24 августа 1918 г. Ст. 68. С. 6.

шевики в октябре или т. н. «февралистов» в марте 1917-го (иными словами: «Колчак – такой же большевик, только с противоположным знаком»)?

Как произошел «переворот 18 ноября 1918 г.», а Колчак стал «Верховным правителем»?

В политико-правовой истории Белого движения события последних месяцев 1918 г. имели исключительное значение. Своеобразным «эпицентром» дальнейшей эволюции стали события в Омске. Главной причиной омского переворота 18 ноября 1918 г. был назревавший конфликт между «партийными» и «государственными интересами» в русле развития политического курса Белого движения – перехода от «коллегияльного управления» к «единоличному». Главным поводом конфликта считалось циркулярное письмо ЦК партии эсеров, написанное в Уфе 22 октября 1918 г. и распространенное по телеграфу с традиционно революционным «заглавием» – «Всем, всем, всем». Идея письма-прокламации принадлежала лидеру партии В. А. Чернову, убежденному противнику любых компромиссов с «правыми». В письме заявлялось: «В предвидении возможности политических кризисов, которые могут быть вызваны замыслами контрреволюции, все силы партии в настоящий момент должны быть мобилизованы, обучены военному делу и вооружены, с тем чтобы в любой момент быть готовыми выдержать удары контрреволюционных организаторов гражданской войны в тылу противобольшевистского фронта. Работа по вооружению, сплочиванию, всестороннему политическому инструктированию и чисто военная мобилизация сил партии должны явиться основой деятельности ЦК, давая ему надежные точки опоры для его текущего, чисто государственного влияния». В той же прокламации ЦК эсеров осуждались переезд Директории в Омск, разрыв контактов со съездом членов Учредительного Собрания и передача важнейших должностей в правительстве «сибирским министрам». Недвусмысленный призыв «вооружаться» «всем силам эсеровской партии» не мог расцениваться иначе, как призыв к созданию, выражаясь современным языком, «незаконных вооруженных формирований». Выражалось и недоверие Директории, санкционировавшей образование Временного Всероссийского правительства.

После оглашения текста прокламации на заседании правительства 5 ноября Директория назначила расследование по данному факту. Премьер П. В. Вологодский и главнокомандующий генерал-лейтенант В. Г. Болдырев выступили за немедленный арест эсеровского ЦК. Глава Директории, правый эсер Н. Д. Авксентьев поручил расследование министру юстиции, генерал-прокурору С. С. Старынкевичу. Болдырева заверили, что в случае появления прокламации на фронте ее распространители должны нести ответственность по «законам военного времени». Помимо деятельности руководства партии эсеров, особое беспокойство вызывала активность товарища министра внутренних дел эсера Е. Ф. Роговского, пытавшегося сформировать (в качестве милицейского) отряд для «противодействия реакции». Для омского офицерства и казачества, для сибирских политиков, незадолго до этого уже имевших «опыт» подавления оппозиции Областной думы, необходимость «решительных действий» была вполне реальной. Воззвание эсеровского ЦК стало весьма удачным поводом для размежевания антибольшевистского движения²⁵.

Кроме организационных и политических разногласий внутри Всероссийского правительства накануне «переворота», немаловажное значение имела и активная «идеологическая подготовка» к нему, проводившаяся т. н. «национально-общественными организациями», главным образом в Омске. Неожиданным противником Директории стал омский отдел Всероссийского Союза Возрождения России (далее – СВР). Следует помнить, что по условиям

---

²⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 180. Л. 69–70; Ф. 144. Оп. 1. Д. 11. Л. 15; *Кроль Л. А.* За три года. Владивосток, 1921. С. 156–157.

т. н. «московского соглашения» весной 1918 г. между Союзом Возрождения и Национальным Центром всероссийская власть должна была создаваться на основе трехчленной Директории и безответственности перед Учредительным Собранием первого созыва. Омский отдел Союза Возрождения в специально составленном обращении «К сынам погибающей Родины» заявил основные тезисы своей программы и отметил свое несогласие с Директорией по двум важным моментам (состав правительства и ответственность перед Конституантой). «Война с внешним врагом – Германским Империализмом и его оружием – врагом внутренним – большевизмом, до полного освобождения всей России от немецкого и советского владычества» (тезис утрачивал актуальность в связи с окончанием Первой мировой войны. – В.Ц.), «содействие воссозданию сильной, дисциплинированной армии», «организация Всероссийской власти, которая объединила бы все области, освобожденные от большевизма и немцев». При этом утверждалось, что «Правительство Возрождения России должно быть образовано не по признакам партийности, а по признакам дееспособности и проникновенности началами патриотизма, государственности и народоправства. Правительство должно быть поставлено в условия полной деловой независимости и самостоятельности во внутренней и внешней политике от партийных, классовых и иных группировок и должно действовать на основе тех положений, которые будут им усвоены при вручении ему власти».

Что касается Учредительного Собрания, то здесь омский СВР был категоричен: «Правильный состав Учредительного Собрания в настоящее время невозможен. Избранные в него большевики и левые социалисты-революционеры сами себя из него исключили. Польша не пришлет своих представителей, Кавказ и Украина также... Губернии с властью большевиков в состоянии дать лишь часть своих членов Учредительного Собрания. Тем не менее Всероссийская власть должна быть организована при участии членов Учредительного Собрания, кои могут быть по условиям переживаемого момента созданы. В создании этой власти должны принять участие представители общероссийских политических партий, стоящих на государственной точке зрения, а также представители местных, образовавшихся по ходу свержения советской власти, временных правительств».

Завершали обращение тезисы о «народоправстве», о демократическом самоуправлении: «Восстановление русской государственности на основах народоправства», «установление органов местного самоуправления, образуемых на основе всеобщего избирательного права», «доведение страны до Всероссийского Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования».

Показательно, что омские социалисты (в составе отдела СВР) выступили в роли защитников аппарата Временного Сибирского правительства от «посягательств» Директории, хотя во время конфликта между правительством и Областной Думой поддерживали последнюю, обвиняя Административный Совет в «реакционности» (правда, один из основателей СВР А. А. Аргунов считал, что омский отдел не имел никакого права связывать себя с «подлинным» Союзом Возрождения). В этом отношении важен выпущенный омским СВР бюллетень, содержащий оценки Директории. Омский отдел СВР, Правление Совета съездов всесибирских кооперативов, омская группа Трудовой Народно-Социалистической партии, Всероссийский Совет съездов торговли и промышленности, Атаманская организация РСДРП «Единство», омский комитет кадетской партии и омская группа социалистов «Воля народа» выразили объединенную позицию «общественности» (эти же группы вошли в состав «Омского блока»). Приветствовалось решение Директории переехать в Омск, отмечалось, что «в сибирской окраине заложены прочные основания государственного строительства» и нужно «укрепить ту систему военного и гражданского управления, которую практиковало Сибирское правительство». Директорию предупреждали от попыток сохранить деятельность Областной Думы, состав которой «не отвечает ни принципам народоправства, ни реальному соотношению общественных сил». Напротив, «разгорающаяся война за освобождение Отечества» требует «под-

чинить этой великой цели все другие задачи», и тогда, когда «воскресает надежда на народоправство в России, необходимо проявить политический аскетизм в настоящем». В заявлении «Всесибирской кооперации» выражалась уверенность, что в условиях конфликта Думы и правительства. Директория «не станет на сторону Думы», «преследующей личные интересы, а не государственные», а поддержит Временное Сибирское правительство, создавшее «административный аппарат, который, немного медленно, но зато верно, шаг за шагом, ведет нас к воссозданию России». Группа омских энесов отмечала, что «русской демократической власти, как и всей государственной демократии, надо резко отмежеваться от тех партийных слоев, от тех политических настроений... в которых государственное предательство и национальный развал до сих пор находят себе богатую почву». Наконец, Атаманская группа РСДРП «Единство» заявляла о «поддержке только такого правительства, которое будет бороться с анархией и антигосударственной работой некоторых политических партий». «Ликвидация Сибирской Областной Думы... полное недопущение вмешательства в дела правительства Съезда членов Учредительного Собрания (в противном случае к Съезду должны быть применены репрессии) ... ликвидация политических партий и печати, ведущих борьбу с обороной страны и сеющих анархию в стране... недопущение к участию в общественных и профессиональных организациях большевиков и членов поддерживающих их партий» – вот требования омской рабочей организации.

Явный намек в отношении недопустимости контроля за исполнительной властью со стороны Съезда членов Учредительного Собрания содержали тезисы омских «воленародовцев»: «Никакие суррогаты представительных учреждений... не должны притязать ни на какую роль в государственном управлении, а тем более на контроль над действиями Верховного Правительства, которое, обладая в данный исторический момент всей полнотой суверенной власти, обязано дать отчет в своих действиях лишь перед органом подлинной народной воли». Несомненно, на позицию омских политиков повлияло своеобразное понимание приоритета «деловых» качеств Сибирского правительства перед «партийно-политическим» составом Директории, что нашло отражение в пункте обращения СВР о «полной деловой независимости» создаваемого аппарата исполнительной власти. Так или иначе, но недостаточная поддержка Директории со стороны СВР и родственных ей организаций сыграла немаловажную роль в процессе прихода к власти «единоличного диктатора».

Но помимо «официальной» оппозиции, со стороны зарегистрированных в Омске общественных организаций нельзя не заметить участия в подготовке «переворота» «неформальных» групп сибирской «элиты». Своеобразным продолжением традиций «каргаловского кружка» стала деятельность политического салона М. А. Гришиной-Алмазовой, супруги отставного военного министра, вынужденного выехать на Юг осенью 1918 г. По оценке одного из участников «переворота», начальника разведотдела штаба 2-го Степного Сибирского корпуса капитана И. А. Бафталовского, «все чего-то ждали, хотели каких-то перемен, таили в душе мысли о преступной деятельности власти, но никто не решался смело и честно сделать первый шаг в направлении ее свержения. Первая смелая мысль по этому волнующему вопросу была брошена в салоне мадам Гришиной-Алмазовой... с течением времени этот гостеприимный и уютный салон становится интимным политическим центром, объединяющим военные и политические течения правого оттенка. Здесь можно было встретить членов Сибирского правительства с министром финансов И. А. Михайловым во главе (примечательный факт. – В.Ц.) представителей Ставки, генерала А. И. Андогского (начальник Николаевской военной академии. – В.Ц.), видных политических и общественных деятелей и доблестных молодых офицеров, тянувшихся в этот Русский дом в надежде найти исход из «политической волчьей ямы», в какую-то увлекали Сибирь национальные предатели».

Сущность омских политических салонов довольно верно отметил занимавший при Колчаке должность генерала для поручений генерал-майор М. А. Иностранцев: «В самом Омске,

скорее всего, господствовало правое и даже монархически-реакционное (политическое настроение. – В.Ц.). Было несколько салонов, в которых, как и подобает, главными действующими лицами являлись или женщины, или офицеры, преимущественно из кавалерии и казаков, считавшие, что никакой революции в России не было, а был военный бунт, который не был подавлен лишь вследствие слабой власти, растерянности и преждевременного, как они полагали, отречения Императора от престола. Все эти элементы держали себя вполне по-старому, открыто смеялись над демократическими идеями и учреждениями и зачастую не стеснялись открыто высказывать мысли о необходимости полного возвращения к старому порядку. Но это были... большей частью наносные из Европейской России элементы или же офицеры Сибирского и других казачьих войск». Характеристику настроений салона Гришиной-Алмазовой вполне дополняет факт убийства на одном из вечеров офицера, якобы за оскорбительное поведение во время исполнения гимна «Боже, Царя храни».

«Смелый и решительный план переворота, зародившийся в головах кучки патриотов, – продолжал Бафталовский, – начал медленно осуществляться в своих подготовительных работах и действиях; детальную разработку этого акта, с технической стороны, взяли на себя: генерал Андогский, первый генерал-квартирмейстер Ставки – полковник Сыромятников и прибывший из Добровольческой армии полковник Лебедев. К ним присоединились в качестве помощников представители Штабов: Сибирской Армии – капитан Буров и 2-го Степного Сибирского корпуса – капитан И. А. Бафталовский. Финансирование государственного переворота взял на себя министр финансов Михайлов, который действительно выдавал щедрой рукой необходимые средства». То, что из членов правительства наиболее активную роль в низложении «уфимской группы» суждено было сыграть именно Михайлову, подтверждалось его негативным отношением к возникновению Директории, к работе Уфимского Государственного Сопещения. Но называть его категоричным сторонником «правых» взглядов неправомерно. Его сотрудничество с эсерами, участие в работе Челябинского Сопещения показывало, что он был сторонником единоличной власти с обязательной опорой на общественную поддержку, а не власти узкопартийной, на которую, как считалось, опиралась Директория.

Согласно «плану переворота» предполагалось «арестовать Авксентьева, Зензинова и Аргунова и, создав исключительно политически тяжелую обстановку, поставить остальных членов Правительства правого толка в такое положение, при котором они вынуждены были бы по собственному сознанию согласиться на необходимость сосредоточить всю власть – как военную, так и гражданскую – в руках одного лица». Показательно, что заговорщики использовали, в общем, не оригинальную схему «переворота», а схожую с той, которую предполагалось применить летом 1917 г., накануне выступления Корнилова. Вероятно, что эту схему продвигал именно Лебедев, один из лидеров Союза офицеров, готовивших «корниловщину». В 1917 г. Керенского и правительство предполагалось «поставить перед фактом» выступления военных с требованиями усиления власти, ликвидации Петроградского совета и создания Совета народной обороны. И в 1918 г., для придания максимально возможной (в тех условиях) легальности, предполагалось не свержение правительства или арест всех членов Директории, а только «постановка в положение», при котором министрам невозможно уклониться от фактической поддержки заговорщиков и создания новой власти.

Так же как летом 1917 г. «национально-патриотическая общественность» выдвигала на ведущие позиции Л. Г. Корнилова, так и осенью 1918 г. на эти же позиции выдвигался военный министр, вице-адмирал А. В. Колчак. Считать его непосредственным организатором и тем более исполнителем заговора нельзя. Но, по справедливому замечанию Бафталовского, во время подготовки «переворота» будущий Верховный правитель России «дал свое принципиальное согласие на принятие всей полноты власти при том неслепном условии, чтобы такая была ему вручена специальным актом Временного правительства, а не захватом власти». Об этом же писал в своих воспоминаниях бывший глава Административного Совета Времен-

ного Сибирского правительства И. И. Серебренников. Отметив желание Колчака не «задерживаться в Омске» и, «в не так далеком будущем, проследовать на Юг, к Деникину», высказанное им в частных беседах накануне «переворота», он тем не менее считал, что «Колчак был осведомлен о заговоре и дал заговорщикам свое согласие принять на себя бремя диктатуры», поскольку «без этого предварительного согласия адмирала устроители переворота едва ли рискнули бы совершить таковой». По точному замечанию Серебренникова, «Директории противопоставляли диктатора – таким представлялся выход из создавшегося положения». «Создавалась такая обстановка, которая вела к перевороту: справа желали видеть в Омске, как можно скорее, диктатуру; слева делали все возможное к тому, чтобы ускорить ее появление».

Ход «омского переворота» достаточно хорошо известен и отражен в источниках и историографии. Роль исполнителей взяли на себя сибирские казаки. Офицерами партизанского отряда войскового старшины И. Н. Красильникова в ночь с 17 на 18 ноября были арестованы социалисты-директоры Н. Д. Авксентьев, А. А. Аргунов и В. М. Зензинов, а также товарищ министра внутренних дел Е. Ф. Роговский. Предполагавшиеся контрмеры со стороны командира 2-го Степного корпуса генерал-майора А. Ф. Матковского (вр. и. д. командующего Сибирской армией) были нейтрализованы офицерами-заговорщиками из его штаба. После того как организаторы ареста (вр. и. д. начальника Сибирской казачьей дивизии полковник В. И. Волков, командир 1-го сибирского казачьего полка войсковой старшина А. В. Катанаев и сам Красильников) добровольно явились на квартиру к министру юстиции Старынкевичу и «передали себя в руки правосудия», арестованные члены правительства были отпущены. Никто из задержанных не пострадал. Одновременно был разоружен «отряд особого назначения» Роговского, сформированный (при участии эсеровской партии) для охраны Директории.

Пока арестованные директора находились в здании сельскохозяйственного института, в ночь с 18 на 19 ноября 1918 г. произошла настоящая «смена власти»: ход заседания экстренно собравшегося Совета министров дает определенное представление о «пружинах» заговора и последующего образования диктатуры. В самом начале заседания был четко поставлен вопрос «о дальнейшем функционировании Верховной власти в связи с происшедшими событиями, в силу которых из состава Временного Всероссийского правительства оказывается налицо только два члена (Вологодский и Виноградов. – *В.Ц.*)». При этом подчеркивалась важная деталь: «Эти оставшиеся члены входили в состав Совета министров, в качестве председателя Совета министров и заместителя Председателя Совета министров, и участвуют в настоящем заседании, вследствие чего верховная власть, за невозможностью функционирования Временного Всероссийского правительства, естественно переходит (показательная правовая характеристика. – *В.Ц.*) к Совету министров, который, будучи ответственным за судьбы государства, ни на один момент не должен допускать перерыва в функционировании верховной власти».

Омский журналист А. Гутман (Ган) верно определил характер «переворота»: «Очевидно, юристы, участвовавшие в заговоре (такowymi считались, прежде всего, специалист в области государственного права, будущий министр юстиции Тельберг, министр внутренних дел Гаттенбергер, председатель т. н. Омского блока адвокат В. А. Жардецкий. – *В.Ц.*), всячески старались найти лояльный титул для нелояльного акта. Им важно было представить дело так, будто наступили непредвиденные обстоятельства, Директория распалась от происшедших стихийно событий, и тогда, чтобы спасти власть, произведена была реконструкция правительства. Таков был остроумный выход из положения, считавшийся с точкой зрения юристов. Эту комбинацию молва приписывала тогда министрам Михайлову и Тельбергу. Она была действительно столь же примитивной, сколь и остроумной. Группа офицеров производит самочинно арест членов Директории (Авксентьева, Зензинова и Аргунова); этот арест, во-первых, подрывает престиж Верховного правительства и, во-вторых, механически приведет к распаду правительственной «пятерки»; создастся положение, при котором Совет Министров вступает в права вер-

ховной власти, и тогда-то он прокламирует передачу ее в полном объеме диктатору». Таким образом, применялась схема «переворота», при которой происходил не развал всей системы власти и не «низложение» ее высших структур, а лишь замена ее новой моделью управления. В сложившейся системе «исчезают» (причем «незаконно», что не оспаривалось) лишь отдельные элементы власти (арестованные директора), а оставшиеся правомочные структуры организуют новую власть, сохраняя тем самым столь важные для Белого движения принципы правопреемственности. Не случайно первая же фраза воззвания Колчака «К населению России» должна была продемонстрировать именно вмешательство неких независимых от Совета министров «сил»: «18 ноября 1918 года Всероссийское Временное правительство распалось» (в отличие, например, от обращения Петроградского военно-революционного комитета «К гражданам России» от 25 октября 1917 г.: «Временное Правительство низложено»)²⁶.

Такая «схема» переворота полностью осуществилась. Вологодский был возмущен действиями военных и собирался подать в отставку, о чем и заявил во время заседания. Он потребовал немедленно судить всех участников переворота. Подобное поведение опровергает расхожий тезис об осведомленности и заинтересованности премьера в совершенном перевороте. Но его благородное негодование встретило весьма сдержанную реакцию остальных министров. Гинс «доказывал, что Красильников сделал только то, что давно надо было сделать, что арест его не встретит сочувствия в общественной среде, ибо Директорией давно все недовольны». Гинса дружно поддерживали другие члены Совета министров²⁷. Против выступил министр труда, меньшевик Л. И. Шумиловский. Член Директории, кадет Виноградов, первым произнес ожидаемое всеми слово «диктатура», но он же отказался признать факт реального перехода к новой власти, заявив об отставке. Однако в «схеме» был правовой изъян, на который обратил внимание будущий помощник Верховного правителя по отделу снабжения генерал-лейтенант Д. В. Филатьев: «Не Совет министров избирал Директорию, а Директория назначала министров, образовавших Совет, почему последний, хотя бы и в период революции, не должен был считать себя правомочным замещать Директорию. Ему надо было придумать какую-то более приличную и хотя бы по видимости более легальную форму перестроения власти, чтобы это не носило характера переворота».

События 18–20 ноября 1918 г. с правовой точки зрения с полным основанием можно считать государственным переворотом. Но, говоря о «перевороте», следует учитывать не только терминологическую, но и политико-правовую разницу между «переворотом» и «бунтом», «низложением» власти. По мнению министра юстиции Российского правительства С. С. Старынкевича, переворот сохранял основы правовой системы и не носил, в силу этой причины, революционного, «бунтарского» характера, хотя по форме своей и не выглядел легальным актом.

В то же время, в оценке Старынкевича и в квалификационном решении Правительствующего Сената от 23 ноября 1917 г., дающем оценку действиям Петроградского Совета и Военно-революционного комитета, которые привели к «низложению» Временного правительства, отмечалось: «Сенат признал, что восстание так называемых коммунистов есть бунт; это не есть переворот, который создает, в конечном итоге, новую жизнь, творит новые ее формы... это результат деятельности захватчиков власти». Термин «низложение» в политико-правовом контексте того времени означал именно «насильственный характер» по отношению к тем или иным структурам власти.

Но факт незаконного лишения свободы государственных деятелей, хотя бы и принадлежавших к партии, чей ЦК призывал к вооруженному сопротивлению, требовал расследования

²⁶ ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 12; Д. 14; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 242. Лл. 1–2; Д. 180. Лл. 91–92; Ф. 176. Оп. 5. Д. 245. Лл. 1–4; Ф. 5960. Оп. 1. Д. 1а. Л. 46–47; *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Т. 1. Тяньцзинь, 1937. С. 214, 215, 220.

²⁷ A Chronicle of the Civil War in Siberia... Op. cit. vol. 1. С. 184.

и наказания виновных. Совет министров принципиально признал, что тот порядок, при котором лица в военной форме подвергают аресту носителей верховной власти, является совершенно недопустимым. Волков, Катанаев и Красильников сами отдали себя воле правосудия. Повторялась та же история, что с арестом министра Новоселова в сентябре 1918 г., причем в обоих «деяниях» участвовал начальник Омского гарнизона войсковой старшина Волков. Теперь действия военных квалифицировались как «преступное посягательство на «верховную власть», и против них возбуждалось уголовное преследование по ст. 100 Уголовного Уложения («насильственное посягательство на изменение в России или в какой-либо ее части установленного Законами Основными образа правления», трактовалось в решении Совета министров как «посягательство на Верховную власть с целью лишить возможности осуществлять такую»). Однако сам переворот оправдывался «сильным недовольством нерешительной политикой Временного Всероссийского правительства по отношению к тем левым течениям, которые вновь начинали свою разрушительную противогосударственную работу, выразившуюся в составлении и распространении преступных прокламаций, попытках частичных восстаний и др.». Приговор «чрезвычайного военного суда» следовало «представить на конфирмацию Верховного Правителя», что само по себе уже предполагало возможность его изменения. Ведь итоги дела могли быть разными²⁸.

Судебные слушания состоялись, однако в официозной прессе того времени выражалось настолько широкое возмущение действиями ЦК эсеров, что суд вынес участникам «переворота» оправдательный приговор. Сам «факт ареста носителей верховной власти свидетельствовал о полной их неспособленности к выполнению тех высоких обязанностей, которые были на них возложены». Адвокатом на процессе выступал Жардецкий, которому приписывали негласное «соучастие в событиях». Юридическим основанием оправдания считалось отсутствие специальных правовых норм, устанавливающих ответственность за выступления именно против отдельных членов Директории, а не против «верховой власти» вообще (в данное понятие, следует помнить, входил и Совет министров).

Эта оценка событий доминировала во всех официальных заявлениях Совета министров в 1918–1919 гг. «Суверенная Директория была составлена из людей различных политических групп, у нее не было прочности цельного камня, она была искусственно склеена из разных кусков. А возле нее стоял тоже претендент на верховную власть – постоянно заявляющий о себе односторонне партийный состав, осколок Учредительного Собрания». Тем не менее и Уфимское Государственное Собрание, и Директория выполнили свои «исторические задачи». «Всероссийская Директория, несмотря на кратковременность ее существования, совершила великое, глубокого значения дело. Она внесла еще большее единство в движение государственности, она выкинула трехцветный национальный флаг... Задача объединения была решена – вся территория подпала под одно кормило власти. Осталась другая задача – укрепить самую власть».

²⁸ Правительственный Вестник. Омск. № 3. 21 ноября 1918 г.; ГА РФ. Ф. 176. Оп. 5. Д. 48. Л. 1–2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.